

УМ
стройво
ира

Владимир Павлович ЭФРОЙМСОН

ГЕНЕТИКА ЭТИКИ
И
ЭСТЕТИКИ

Библиотека журнала «Экология и
жизнь». Серия «Устройство мира»

Владимир Эфроимсон
Генетика этики и эстетики

Журнал «Экология и жизнь»

2010

ББК 28.704

Эфроимсон В. П.

Генетика этики и эстетики / В. П. Эфроимсон — Журнал «Экология и жизнь», 2010 — (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»)

ISBN 978-5-904553-07-4

В данной работе классик отечественной генетики Владимир Павлович Эфроимсон отстаивает идею генетического наследования морально-этических и эстетических основ личности. Человек – существо изначально нравственное, в его генофонде записана не только потенциальная способность мыслить, но и способность различать добро и зло. Эта способность может быть развита или погублена средой, доказывает автор, рассматривая определяющую роль впечатлений раннего детства. Специальная глава посвящена взаимосвязи гениальности и наследственной психопатологии на примере Ф.М. Достоевского. Научный материал дополнен экскурсами в историю, социологию, этнологию. Книга является завершающей в выпущенном издательством цикле фундаментальных трудов автора по социобиологии, в который вошли также «Генетика гениальности» и «Педагогическая генетика». Адресована прежде всего специалистам – биологам, психологам, философам, социологам, педагогам, но благодаря популярному стилю изложения доступна широкому кругу читателей.

ББК 28.704

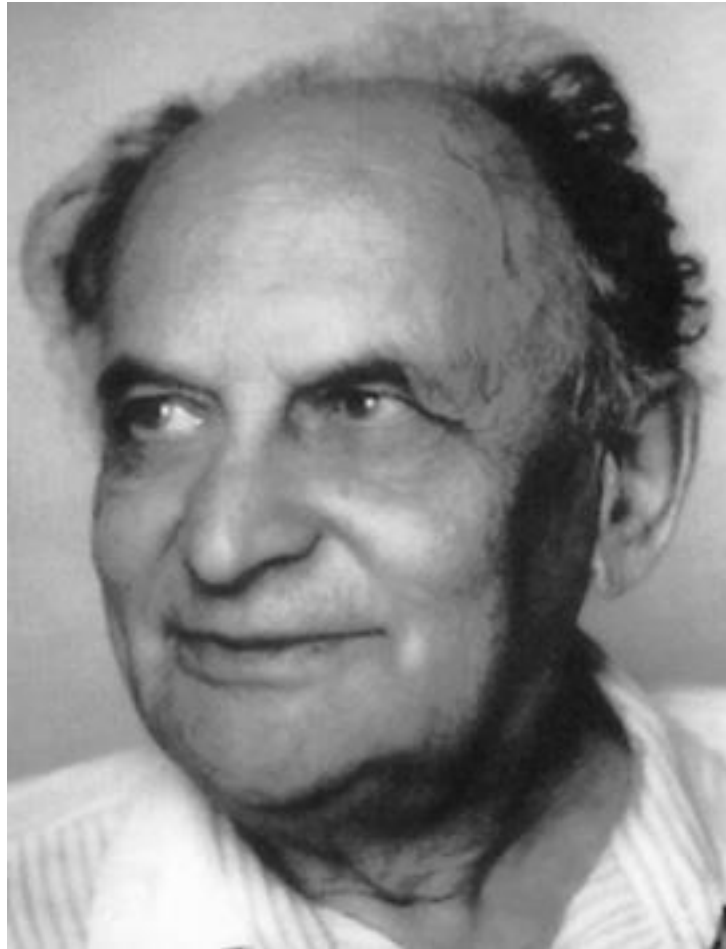
ISBN 978-5-904553-07-4

© Эфроимсон В. П., 2010

© Журнал «Экология и жизнь», 2010

Содержание

Восприимчивость к красоте и гармонии записана в генофонде	6
Введение	13
Часть I	25
1. Естественная агрессивность и эволюционные механизмы, ее ограничивающие	25
1.1. Жестокость и ее следствия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Эфроимсон
Генетика этики и эстетики

Посвящается 100-летию со дня рождения В. И Эфроимсона

Библиотека журнала «Экология и жизнь»

Издание 2-е

Художник серийного оформления П. Ефремов

Восприимчивость к красоте и гармонии записана в генофонде

М.Д. Голубовский

Есть что-то символическое в том, что книга о биологических основах этики и эстетики принадлежит перу классика отечественной генетики Владимира Павловича Эфроимсона (1908—1989). Именно над генетиками история, и история науки в частности, поставила в СССР особенно жесткий эксперимент по социальной психологии. Эксперимент по отбору на честность, порядочность, совесть, на стойкость к жизненным испытаниям. В.П. Эфроимсон относится к той небольшой плеяде биологов, что выдержала самые суровые испытания. И, если угодно, заслужил право писать и размышлять о природе добра и зла в природе и обществе.

Три ярко выраженные черты характера в особой степени отличали личность Эфроимсона: страсть к знаниям, любовь к справедливости, стремление к личной свободе. Этим доминантным чертам сопутствовали горячий темперамент, потрясающая работоспособность, прекрасная память, рыцарское бесстрашие и куртуазное обращение с дамами. Как ученый Владимир Павлович сложился в знаменитой московской школе эволюционной генетики с ее основателями биологами Н.К. Кольцовым и С.С. Четвериковым. Это были биологи-эволюционисты, высокообразованные русские интеллигенты, люди независимые, не способные прислуживаться. И конечно, они подвергались преследованиям режима. Эфроимсону не пришлось окончить университет. Когда в 1929 г. по ложному доносу был арестован заведующий кафедрой генетики проф. С.С. Четвериков, студент Эфроимсон выступил в защиту учителя несмотря на «непролетарское» происхождение, арест отца.

Оставив вынужденно университет, Эфроимсон вступил в большую науку, как бы минуя период ученичества. Он начал работать в Государственном рентгеновском институте, где изучал действие облучения на мутационный процесс. С.С. Четвериков был арестован и выслан из Москвы (без суда, по приговору «ОСО»). Москву покинули все его ученики, участники знаменитого кружка «Дроздор». С 1929 по 1932 г. Эфроимсон работал вместе с учеником С.С. Четверикова Н.К. Беляевым в Закавказском институте шелководства. В 1932 г. он сформулировал принцип равновесия между скоростью мутационного процесса и отбора в популяциях человека и на этой основе предложил способ оценки частоты мутирования рецессивных сублетальных генов у человека. Открытие было высоко оценено одним из основоположников радиационной генетики (будущим Нобелевским лауреатом) Германом Мёллером. Эфроимсону было предложено место в открывшемся в 1932 г. в Москве Медико-биологическом институте. К сожалению, ни начать работу, ни опубликовать подготовленную статью Эфроимсон не успел. В том же 1932 г. он был арестован по абсурдному обвинению «за участие в террористической организации». Ему припомнили посещение в годы студенчества заседаний кружка «вольных философов». Следователь требовал дать показания на Н.К. Кольцова. После твердого отказа последовало осуждение на три года.

В 1936 г. Эфроимсону удалось получить работу в Среднеазиатском НИИ шелководства в Ташкенте и продолжить начатые совместно с Н.К. Беляевым исследования. Он жадно погружался в опыты, по 16—18 часов в сутки, нередко спал тут же, в лаборатории. В итоге работ по генетике тутового шелкопряда им был установлен важнейший общегенетический принцип коррелированного ответа на отбор. Оказалось, что целая серия признаков – вольгинизм (число поколений в год), скорость развития, жизнеспособность, вес кокона – находились под контролем единой гормональной системы. В результате отбор по любому из этих признаков способен привести к быстрому изменению всей их плеяды. Принцип коррелированного ответа был впо-

следствии применен автором для объяснения быстрых и направленных изменений в ходе эволюции человека. К сожалению, написанная еще в то время монография Эфроимсона осталась неопубликованной. В 1937 г. в обстановке «охоты на ведьм» его исследования были насильственно прерваны дирекцией института, а уникальный опытный материал уничтожен. Пришлось уехать из Ташкента и искать работу. Лишь в 1939 г. ученый смог продолжить исследования в г. Мереше на Украине, на Всесоюзной станции шелководства. За две недели до начала войны он защитил диссертацию.

Всю войну, с августа 1941 по ноябрь 1945 г., ученый провел на фронте, совмещая работу в санбате и переводчика во фронтовой разведке (немецкий знал блестяще). За боевые заслуги Эфроимсон был награжден многими орденами и медалями. В конце войны он совершил поступок, типичный для его этических принципов. Будучи очевидцем насилий над мирным населением Германии после вступления туда войск Красной Армии, Эфроимсон пишет рапорт-протест высшему командованию, предупреждая, что это усилит сопротивление противника и приведет к ненужным жертвам (так и получилось на деле). Протест послужил затем поводом к очередному аресту.

С 1946 г. Эфроимсон – доцент кафедры дарвинизма и генетики Харьковского университета. В своих лекциях по теории генетики и селекции он критиковал взгляды Лысенко, перевел и распространил среди харьковских биологов критическую рецензию на книгу Лысенко американского генетика и эволюциониста Ф.Г. Добжанского. В 1947 г. Эфроимсон защитил докторскую диссертацию, однако степень доктора ему была присвоена лишь 15 лет спустя (кажется, своеобразный рекорд в советской науке). Приказом министерской комиссии Эфроимсон за свое открытое неприятие лысенковщины изгоняется с работы «за деятельность, порочащую звание советского педагога». Оказавшись вновь без работы, он проводит документальный анализ огромного вреда «новаций» Лысенко для теории и практики сельского хозяйства и посылает свою работу в ЦК КПСС, в отдел науки. Однако события развивались в ином русле. В 1948 г. после августовской сессии ВАСХНИЛ последовал полный разгром генетики и многих сопредельных с ней областей биологии. А в 1949 г. Эфроимсон был вторично арестован. Хотя ему формально вменялся в вину рапорт 1945 г. («клевета на Советскую армию»), по существу это была расправа за открытое противостояние лысенковщине. После отсидки в казахстанских концлагерях (в основном работа кайлом, Эфроимсон долго еще похвалялся бицепсами на руках) он был амнистирован лишь в 1956 г. Удалось устроиться библиографом по естественным наукам в Библиотеке иностранной литературы.

Но даже концлагерь не подавил в Эфроимсоне страсти к исканию справедливости и истины. Еще до реабилитации он посылает объемистую работу под названием «О подрыве сельского хозяйства Советского Союза и международного престижа советской науки» в прокуратуру СССР. Конечно, ответа не последовало. Тогда Эфроимсон публикует серию антилысенковских статей под видом библиографических обзоров и рецензий. Он возглавляет, таким образом, открытую оппозицию лысенковщине.

Одновременно Эфроимсон, работая библиографом, подготавливает уникальную сводку «Введение в медицинскую генетику». Опубликовать эту книгу еще до падения Лысенко было чрезвычайно трудно. В борьбу за ее публикацию включились многие ученые, и не только биологи. Сначала был подготовлен «макет» в количестве 100 экземпляров, и после получения многих отзывов и открытого обсуждения в АМН СССР книга вышла в 1964 г. Она сыграла выдающуюся роль в возрождении медицинской генетики в Советском Союзе.

В 1967 г. Эфроимсон стал заведующим отделом генетики Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Он, наконец, получил возможность настоящей работы. Эфроимсон буквально фонтанировал идеями, многие из которых за короткое время успел воплотить в жизнь. Его феноменальная работоспособность, богатейшая эрудиция, накопленный опыт позволили вывести лабораторию на ведущее место в отечественной генетике человека и особенно гене-

тике психических болезней. Были сделаны новаторские исследования по генетике нервных болезней, генетике олигофрении, психозов, эпилепсии и шизофрении. Опубликован ряд монографий, в особенности следует отметить книгу «Генетика олигофрении, психозов и эпилепсии» (совместно с М.Г. Блюминой), вышедшую в 1978 г. В этой книге, в частности, дан ключ к разгадке большой изменчивости в характере проявления и наследования шизофрении. Владимир Павлович использовал для объяснения этого сформулированный еще в 20-е годы известным генетиком Б.Л. Астауровым (также учеником С.С. Четверикова) принцип независимого выражения и проявления мутантного признака на каждой из сторон билатерального (двустороннего) органа или структуры. Мозг с его двумя функционально различными полушариями как раз и является такой структурой. Согласно идее Эфроимсона, при шизофрении наследуется предрасположенность к дефекту той или иной мозговой структуры на каждом из полушарий. Одностороннее поражение приводит к разбросу в проявлении и выражении аномалий поведения у шизофренических генотипов. И лишь симметричное двустороннее поражение определенных участков мозга приводит к ясно выраженной болезни.

В середине 70-х годов «век-волкодав» снова достал Эфроимсона. После оттепели началось возвращение к проекту «введения единомыслия». В борьбе с диссидентами правящая партийно-полицейская мафия стала использовать для внесудебной расправы психиатрию (наиболее вопиющий случай – заключение в «психушку» генерала Г.П. Григоренко, см. его воспоминания в журнале «Звезда»). Естественно, это вызвало открытые протесты Эфроимсона, и в 1975 г. ему пришлось уйти из Института психиатрии на пенсию.

С 1976 г. до конца жизни Владимир Павлович работал профессором-консультантом Института биологии развития АН СССР. Он сохранял способность работать по 12—14 часов в день вплоть до 80 лет, мужественно борясь с подступившими недугами. За это время он подготовил две монографии. Одна из них посвящена генетике гениальности, а другая – генетике этики и эстетики. Тем самым Эфроимсон как бы продолжил исследования своего учителя Н.К. Кольцова, начатые в 20-е годы, когда были основаны «Русский евгенический журнал» и Русское евгеническое общество. В этих последних книгах Владимир Павлович выступает не только как генетик, эволюционист, психиатр, но и как прекрасный знаток истории, литературы, поэзии. Обе книги до сих пор не смогли увидеть свет. В основном это результат продолжающегося по инерции господства государственной философии, когда философ-идеолог выступал в роли идеологического надсмотрщика, имеющего исключительное право толковать все, касающееся природы человека. Сводку по генетике человека удалось депонировать в ВИНТИ в 1982 г. А попытка в то же время депонировать книгу «Генетика этики и эстетики» не удалась, несмотря на официальное представление академического института и рецензии. Потребовали убрать цитированные Эфроимсоном стихи его любимого поэта Н. Гумилева, реабилитированного лишь в период «перестройки».

* * *

Книга «Генетика этики и эстетики» состоит из трех разделов. В двух из них приведены доводы и доказательства в пользу того, что эмоции альтруизма, стремление совершать самоотверженные поступки, а также способность к восприятию красоты и гармонии не есть лишь следствие благонравного воспитания, а возникают на биологической наследственной основе. Впрочем, как и эмоции агрессивности, зла. Эти черты психики развились в ходе эволюции человека как социального животного в результате действия внутри- и межпопуляционного отбора.

В этом смысле Эфроимсон продолжает линию размышлений и исследований Ч. Дарвина в его двух замечательных трудах «Происхождение человека и половой отбор» и «Выражение эмоций у человека», вышедших в 70-х годах XIX в. Основной вывод Дарвина: «Чувства и впе-

чатления, различные эмоции и способности, такие как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке, а иногда даже и в хорошо развитом состоянии у низших животных». Дарвин не только подробно обосновывает этот вывод как биолог и зоолог. Он всегда обсуждает данные об изменчивости (индивидуальной и групповой) эмоций и разных форм поведения, а также данные об их наследственной передаче. Все это уже составляет область генетики. Вот лишь некоторые названия эмоций, о которых пишет Дарвин: упадок духа, тревога, горе, уныние и отчаяние, радость, приподнятое настроение, любовь, благоговение, угрюмость, решимость, ненависть, гнев, пренебрежение, презрение, отвращение, гордость, страх, повышенное внимание к себе, стыд, застенчивость, скромность, покраснение при стыде и т. д. Как проявляется способность краснеть от стыда (свойственная лишь человеку эмоция) у разных рас и народов, краснели ли люди от стыда 3—4 тыс. лет назад? Используя разные подходы для ответа на последний вопрос, Дарвин анализирует Библию и находит в книге пророка Иеремии упрек: «Нет, никакого стыда не чувствуют, даже не знают, что значит краснеть». Дарвин приводит данные, что особенности покраснения могут передаваться по наследству.

С утверждением менделевской генетики в начале XX в. стало возможным подойти к изучению наследования черт психики человека. Обширная и глубоко продуманная программа таких исследований была представлена Н.К. Кольцовым в 1923 г. в статье «Генетический анализ психических особенностей человека» (Русск. еврист. журн., 1923, с. 253—307). Н.К. Кольцов разбил психические аспекты на три группы – познавательные (разум), эмоции (аффекты) и влечения (воля) – и рассмотрел, как можно изучать изменчивость и наследование элементарных реакций в каждой из этих сфер психики. Физиологическая (материальная) основа познавательных процессов лежит в нервно-психических реакциях и отличается специфичностью и локализованностью. Физиологическую основу влечений и эмоций составляют нейро-гуморальные процессы. В разряд влечений, проявляемых у человека как социального существа, Кольцов отнес волю или влечение к власти. «У стадных млекопитающих этот признак проявляется в борьбе за лидерство в группе, роль вожака. В человеческом обществе воля к власти ярко характеризует всех вождей на разных поприщах деятельности. У людей с ограниченными способностями она проявляется в мелком тщеславии, у сильных людей, организаторов, является необходимым условием их организаторской деятельности. В сочетании с влечением к творчеству воля к власти является самым могущественным двигателем культуры... Каждый выдающийся ученый должен обладать влечением к власти, которая выражается в пропаганде своего учения. Работы ученого без этого влечения остаются незамеченными, и труды его пропадают даром... Генетическое изучение влечения к власти у ученых не менее существенно, чем у политиков, полководцев, деспотов. В сильнейшей степени обладают влечением к власти фанатики определенного учения, стремящиеся покорить ему весь мир, пророки, основатели религий, самозванцы: отсюда постепенный переход к чудакам и параноикам, одержимым манией величия».

Кольцов предложил использовать генеалогический метод для анализа разных способов социального воплощения влечения к власти. В частности, он замечает, что влечение к власти и известное честолюбие помогли выдвинуться из окружающей среды Ломоносову на фоне его выдающихся способностей. Влечение к власти досталось ему, видимо, по наследству от его отца, который в своем селе был первым церковным старостой, ходяком по мирским делам.

Степень влечения к власти может определять выбор человеком социальной ниши, вплоть до предпочтения определенного вида деятельности и выбора определенной теории. Кольцов приводит пример: «В русской коммунистической прессе в дни юбилея партии высказывалось меткое определение: в истории развития партии разница между большевиками и меньшевиками сказывалась не столько в теоретических разногласиях, сколько в темпераменте лиц, распределившихся по обеим фракциям».

Понимание того, что влечение к власти – зависимая от генотипа черта психики, очень важно. Ибо эта необходимая для самоорганизации социума черта характера может пойти во вред социуму, если не будут соблюдаться определенные правила «техники безопасности» в обращении с властью имущими.

Говоря о предшественниках Эфроимсона в области эволюционной генетики поведения человека, невозможно не упомянуть совершенно исключительный труд отечественного биолога и генетика, физиолога и клинициста С.Н. Давиденкова «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». Этот труд вышел малым тиражом в 1947 г., накануне разгрома генетики. Тираж книги был в значительной степени уничтожен, и она является библиографической редкостью. А между тем в предисловии академик Л.А. Орбели справедливо писал, что эта книга составляет гордость отечественной биологии и медицины. На основе эволюционной нейрогенетики Давиденкову удалось дать естественное истолкование таких явлений в истории человечества, как ритуалы, магия, шаманство. Давиденков сформулировал положение о парадоксе нервно-психической эволюции человека. Парадокс состоит в том, что ослабление естественного отбора при переходе от биологической к культурной эволюции привело к распространению людей слабых, неуравновешенных, инертных типов нервной системы. Инертность, которая встречается чуть ли не поголовно, проявляется по-разному: в нерешительности, постоянных сомнениях, в боязни нового, трудности кончить начатую работу, в навязчивых состояниях, особых расстройствах речи и т. д. Предрасположенность к инертности (а не ее конкретная форма!) наследуется по доминантному типу. Гетерозиготные носители генов, приводящие к патологии психики, нередко отличаются отрицательными эмоциями, направленными на других людей (раздражительность, склонность к конфликтам, немотивированная злобность ит. д.).

Для преодоления широко распространенной наследственной инертности Давиденков предложил программу тренировки подвижности нервной системы начиная с детского возраста. Это новая задача, которую эволюционная нейрогенетика ставит перед педагогами: «Здесь достижения преемственности должны будут победить дефекты наследственности. Но чтобы это действительно могло иметь место, нужно не закрывать глаза, а открыто оценивать действительное положение вещей». Такой вывод был сделан генетиком в 1947 г. Но этот призыв не только не был услышан в СССР, но в последующее десятилетие делалось все, чтобы генетический подход не проник в учение о «социальной сущности» человека. В соответствии с этим учением отвергались данные о генетической компоненте в преступном поведении и считалось, что у советского человека нет никакого секса... И, может быть, в основе всех бед общества и лежит утопическое представление о человеке как о некоей разумной машине без страстей, эмоций и генов.

В этом смысле книга «Генетика этики и эстетики» как нельзя более актуальна. Она обращает нас к путям эволюции человека, современным данным о его генофонде. Эфроимсон убедительно доказывает, что в генофонде записана не только потенциальная способность мыслить, но и способность различать добро и зло. Я не буду здесь обсуждать сильные и слабые стороны доводов автора о путях возникновения и отбора разных форм альтруистического или агрессивного поведения. Важно обсудить положения, которые обычно ускользают от читателя – не генетика, и которые рассмотрены Эфроимсоном в специальной главе о феногенетике поведения.

Следует не упустить из виду следующие генетические положения:

1. Нормальная психическая деятельность, в том числе нормальная система этических реакций и мышление, возможна лишь при условии нормального, не мутантного состояния многих сотен или тысяч генов. Мышление снижается до уровня олигофрении (слабоумия) и начинают проявляться аномалии психики при гомозиготности по любому из сотен уже известных наследственных дефектов, а также при множестве самых разных aberrаций хромосом.

2. Очень важно ясное представление о взаимодействии генотип – среда. Вот самый простой пример. Рecessивная мутация фенилкетонурии блокирует превращение аминокислоты фенилаланин в тирозин, и ребенок, гомозиготный по этой мутации, становится олигофреном вследствие отравления тканей мозга предшественниками тирозина. Но если сменить диету и кормить младенца не молоком матери, содержащим фенилаланин, а пищей без фенилаланина, ребенок вырастает вполне психически здоровым. Таким образом, изменением условий среды (в данном случае кормлением) можно устранить дефекты генотипа. Эти и другие подобные факты нередко приводят как довод о неважности генотипа и могуществе среды. Это досадное, но нередко повторяемое (не генетиками) недоразумение. Тот факт, что определенными условиями можно потенциально мутантный фенотип исправить или улучшить до уровня нормы, вовсе не устраняет принципиальных различий между нормой и мутантом! В данном случае именно мутант, а не норма чувствительны к изменению диеты. Когда генетик говорит о наследовании признака, то это следует воспринимать по принципу «два пишем, три в уме». Ибо при этом подразумевается, что становление любого признака, и поведенческого в особенности, происходит по следующему сценарию: наследственная программа (гены) – чувствительный период(ы) – предопределение пути развития – формирование признака («самообучение»). В этологии, науке о поведении животных, хорошо известно явление импринтинга. По аналогии с ним Эфроимсон предлагает новый, очень удачный, на мой взгляд, термин «импрессинг» – для обозначения сверххранних впечатлений детства, которые действуют в чувствительный период и являются жизнеопределяющими. Чтобы «чувства добрые» проявлялись у взрослого человека, они должны быть пробуждены еще у ребенка. И напротив, этический код альтруизма и доброты может быть легко заглушен и извращен групповой этикой (классовой, национальной, узкорелигиозной и т. д.).

Насильственные идеологии распространяются, однако, в «облатке справедливости», а жестокие средства оправдываются высокой целью. В своей работе Эфроимсон делает основной упор на то, как может зависеть от генотипа индивидуальная этика человека, его потенциальная способность к добрым или злым поступкам. Групповая этика осталась как бы в тени. Поэтому редакторы книги сочли вполне уместным поместить в этой книге никогда ранее не публиковавшуюся статью известного биолога проф. А.А. Любищева (1890—1972) «Генетика и этика». Любищев и Эфроимсон были друзьями, они оба явились лидерами оппозиции лысенковщине, но их эволюционные предпочтения сильно различались. Эфроимсон полностью принимал тезис Дарвина о ведущей роли отбора в эволюции живых организмов, включая человека. Для Любищева отбор имел подчиненное значение, для него главное – наличие законов (идеи), ограничивающих многообразие форм. Эфроимсон послал свою статью о генетике и этике (контур данной книги) «на разнос» своему другу Любищеву. Разнос был сделан. Нисколько не отрицая наследственную компоненту в человеческом поведении, Любищев полагает главным в судьбе человеческих популяций и этносов «идеологическую наследственность». Он сопоставляет биологические и социальные основания этики и выявляет роль «идеологических мутаций». «Отказ от всечеловеческой, космополитической морали есть страшный регресс, чудовищные последствия которого пережили люди в XX веке».

Диалог Эфроимсон—Любищев поможет столь необходимой полифонии при обсуждении биосоциальных основ этики и эстетики. В рамках проблемы природы чувства красоты и гармонии у человека совершенно необходимо указать на замечательную книгу «Золотое сечение» (М.: Стройиздат, 1990), написанную архитекторами И. Шевелевым, И. Шмелевым и композитором М. Марутаевым. В этой книге математически строго обосновано, что одни и те же принципы гармонии определяют пропорции в архитектуре и искусстве, законы формообразования в живой природе и психофизическое состояние человека. Проблема красоты в природе хотя и привлекала внимание (например, известная иллюстрированная книга Э. Геккеля «Красота форм в природе»), но остается загадкой. Красота живых форм вовсе не есть слу-

чайность. Это идея, воплощенная в материи, – так писал и думал Любищев. И эта мысль оказалась созвучной авторам книги «Золотое сечение». «Эстетический наряд организма должен быть инвариантно созвучен эстетическим покровам среды. Иначе спектакль жизни будет не плодотворным, не уютным в психологическом отношении... Без общения с прекрасным человек обречен на духовный голод, он становится дикарем и вырождается как человеческое существо» (И. Шмелев в кн.: «Золотое сечение», с. 302). Эти мысли хорошо дополняют соображения Эфроимсона о том, что восприимчивость к красоте и гармонии записана в генофонде.

Введение

Предлагаемый труд не должен рассматриваться как целостное изложение общих представлений автора; тем не менее он может восприниматься читателями как тезис или синтез. Задача гораздо более скромна. В СССР, странах социализма и даже в капиталистических странах человеческая личность и ее психика рассматриваются почти исключительно как продукт социального воздействия воспитания, среды; при этом биологические и генетические основы личностного разнообразия почти полностью игнорируются. Автор, вовсе не желая оспаривать принцип примата средового, социального в развитии личности, тем более – общества, счел нужным противопоставить этому тезису необходимую для еще более правильного синтеза антитезу, умышленно и бескомпромиссно подбирая данные, свидетельствующие о роли биологического и генетического, единственно подхватывавшегося естественным отбором. Выполнение этой задачи тем более важно, что эта антитеза до сих пор в советской литературе вообще не была представлена, а в зарубежной научной печати представлена преимущественно различными вариантами неосоциал-дарвинизма, весьма наукообразного, достаточно агрессивного и массово популяризируемого.

Громадная роль социальной преемственности в формировании личности совершенно очевидна: мать, воспитательница, ясли, детский сад, школа, сверстники и взрослые, учителя, ВУЗы, книги, журналы, газеты, кино, радио, телевидение и бесконечное количество иных средовых факторов уже с рождения оказывают влияние на личность, но идея, что влияние среды монополюсно, – глубоко ошибочна: однояйцевые близнецы, генетически идентичные (в отличие от двуяйцевых близнецов, генетически схожих лишь по половине своих генов), оказываются почти тождественными не только по внешности, но и по психике и множеству компонентов интеллекта. Это близкое к тождеству сходство психических особенностей частично сохраняется и между однояйцевыми близнецами-партнерами, выросшими отдельно, независимо друг от друга, в разных условиях, разумеется, если эти условия среды не были очень контрастными (например, помимо самого разделения в раннем детстве противоположными социальными условиями, низким образованием у одного близнеца, высшим образованием у его однояйцевого партнера). Следовательно, если условия среды не экстремально различны, а находятся в рамках обычной нормы, генетическое тождество обеспечивает очень высокую степень не только внешней, но и интеллектуально-эмоциональной схожести. Но бросающееся в глаза физическое и психическое сходство однояйцевых близнецов, даже выросших отдельно (но не в контрастных условиях), показывает, что огромная доля разнообразия психики, наблюдаемая в пределах любой одновозрастной группы мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин, одной расы, нации, экономической или образовательной прослойки, обусловлена именно наследственными факторами.

Неисчерпаемое разнообразие генотипов является вообще одной из основ существования не только вида *Homo sapiens*, но и любого другого вида животных. Дело в том, что генетически однородные сорта растений, а также виды животных, неизбежно становятся жертвами любого адаптировавшегося к ним штамма вируса, бактерии, протиста или даже паразитического червя. Наоборот, если вид состоит из множества генетически глубоко различных индивидов, заражение микробным штаммом одной особи, сопровождающееся размножением и отбором в ней, дезадаптирует штамм по отношению к множеству других особей вида-хозяина, отличающихся и от жертвы, и от других особей по множеству биохимических и антигенных свойств, типу и темпам обмена, строению макромолекул и т. д.

Индукцируемый бесчисленными паразитами отбор на повышение наследственной гетерогенности настолько интенсивен, что, пожалуй, во всем мире высших животных, например

млекопитающих, не найдется такого вида, в котором какие-либо две особи имели бы вполне одинаковый генотип (если не считать однояйцевых близнецов).

Необходимо рассмотреть еще одно прискорбное недоразумение. Десятки лет господствовало мнение, что всемерное отнесение индивидуальных психических различий за счет социальных факторов соответствует философии диалектического материализма, тогда как признание роли наследственности считалось реакционной отрыжкой, близкой к расизму и социал-дарвинизму. В настоящее время мало кто из советских психиатров решится оспаривать господствующую роль наследственных факторов в развитии столь распространенных расстройств психической сферы, как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, слабоумие.

Однако среди философов, психологов, педагогов, социологов все еще господствует тенденция отрицать роль наследственности, если речь заходит о вариациях любых способностей и интеллекта в целом и об их развитии в рамках норма—талант—высокая одаренность. Хотя и в этих рамках генетика располагает обильными данными близнецового метода, в частности данными тестирования однояйцевых близнецов, выращенных врозь, представление о наследовании одаренности, а главное, о значительной генетической детерминированности ее, встречается в штыхы. Основой подозрительного отношения к несомненным фактам является чрезвычайно упрощенное представление о том, что признание их приведет к антидемократическим позициям, оправдывающим расовое, национальное и классовое неравенство.

Действительно, признание наследственных различий в одаренности, на первый взгляд, позволяет расположить человечество в виде пирамиды с гениями на узкой вершине, талантами и дарованиями ниже, тогда как середнячки, посредственности и бездарности заполняют широкое объемистое основание. Но в действительности же, в силу независимости наследования одних способностей от других, человечество пришлось бы разложить на бесчисленное множество пирамид: по музыкальной памяти, по способности ее мобилизации, по комбинаторным, математическим, лингвистическим и бесчисленным иным способностям, по скорости реакций физических и психических. Дж. Гильфорд (Guilford J.P., 1967), например, насчитывает 120 видов способностей. Совершенно ясно, что нет ни одной профессии, для которой достаточно было бы только узкой способности (например, счетно-вычислительной, которой превосходно владеют даже некоторые клинические слабоумные), а требуется какая-то своя комбинация способностей (Bracken H.K., 1969). Следовательно, на основании данных о генетике способностей и речи не может быть об одновершинной пирамиде (кстати, люди, наиболее одаренные по суммарному результату тестирования – коэффициенту интеллекта IQ, как правило, оказываются вовсе не особенно продуктивными в творческом отношении, но об этом ниже). Речь может идти о том, чтобы «должный человек оказался на должном месте», а именно это и является идеальным решением конфликтов между индивидуальными и социальными интересами – «от каждого по способностям»...

В настоящее время почти никто не оспаривает дарвиновскую теорию естественного отбора. Трудно оспаривать роль личности и «случая» в ходе истории. Но существуют очень стойкие, вполне естественные предубеждения по поводу любого применения теории естественного и социального отбора по отношению к человеку. Почти автоматически любые соображения по этим вопросам сразу ассоциируются с социал-дарвинизмом и не обсуждаются по существу. Естественный отбор у человека представляется чем-то несуществующим с начала цивилизации. Если же говорить о социальном отборе, т. е. о подъеме в более обеспеченные или престижные прослойки, то признание роли каких-либо биологических факторов «с порога» рассматривается как нечто близкое к нацизму, фашизму и социал-евгенике.

Между тем сущность расизма и социал-дарвинизма заключается вовсе не в признании генетических различий между расами (таковые бесспорно существуют), а в ложном утверждении наследственного умственного или духовного превосходства одной расы над другой (чего на самом деле нет). Социал-дарвинизм заключается в утверждении, что более обеспеченные

классы или нации наследственно превосходят менее обеспеченные, но вовсе не в признании биосоциальных факторов. Поэтому надо не налагать вето на изучение отбора (естественного и социального) у человека, а изучать его, памятуя, что еще полвека назад самые крупные генетики того времени (Мёллер, Холден, Хогбен) опровергли социал-дарвинизм, что, кстати, нашло свое отражение в Эдинбургском манифесте генетиков (1939) и в резолюциях Американского общества генетики человека (1977-1978).

Социал-дарвинизм зародился задолго до появления теории Дарвина. Его генеалогию тем не менее ведут от Дарвина и особенно от Гекели. Поэтому в качестве частной задачи возникает необходимость документировать решительно враждебное отношение Гекели к переносу дарвиновской теории естественного отбора в человеческое общество – надо лишить родословную социал-дарвинизма и тени благовидности.

Таким образом, для признания основного демократического принципа предоставления равных и оптимальных возможностей развития всем людям вовсе не требуется замалчивания теперь уже бесспорного факта генетического разнообразия человечества.

Генетика ясно установила несостоятельность принципа «или генетика, или среда». Ясно, что в развитии любой особенности участвуют и генотип, и среда. Но ясно, что в рамках обычных условий развития соотносительное значение генотипа и среды для разных свойств, нормальных и патологических, совершенно различно. Так, в развитии гемофилии или множества антигенных особенностей человека практически все детерминируется генотипом (признание чего, кстати, не помешало, а чрезвычайно помогло лечению гемофилии); генотип, очевидно, в очень большой мере определяет «потолки» возможностей различных компонентов психики, тогда как содержание этой психики, тоже в норме, в огромной мере определяется условиями развития. Например, генетически детерминирована способность к членораздельной, понятной речи, что иллюстрируется фактами наследственной глухоты, слабоумия или психоза. Наоборот, в реализации психических потенций, в частности языковых, решающую роль играет среда.

Еще глубже укоренилось другое, вдвойне ошибочное мнение, что этика, мораль, эстетика целиком классово обусловлены и что они целиком определяются воспитанием, средой (в широком смысле слова), отнюдь не содержа в себе какого-либо биологического компонента, созданного естественным отбором.

История показывает, что идеология, противоречащая общечеловеческой совести, для своего поддержания нуждается в таком мощном чиновничье-шпионско-полицейско-военном аппарате подавления и дезинформации, что становится очень затруднен подлинный накал свободной коллективной мысли, необходимой для самостоятельного научно-технического прогресса. Показательны в этом отношении империи древности и королевства Средневековья с их нередко великолепной военной тактикой и столетиями неизменной военной техникой.

Мнимая альтернатива – генетика или среда, монополюс определяющие развитие личности, – это лишь одно из бесчисленных противоречий, с которыми мы сталкиваемся в биологической, социальной и биосоциальной сфере. Рассматривая эволюционное становление альтруизма, мы не можем игнорировать ни факт влияния постоянного естественного отбора на развитие хищнических инстинктов, эмоций господства и подавления, ни существования группового отбора в противоположном направлении. Констатируя факт генетического детерминизма, мы вынуждены считаться с тем, что все свойства, в особенности психические, нуждаются во внешних стимуляторах для своего полного проявления и, как правило, подавляются или извращаются социальной средой.

Под словами «совесть», «альтруизм» мы будем понимать всю ту совокупность эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему непосредственно не выгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. В принципе альтруизм биологически

оправдывает себя преимущественно при взаимности, как это будет показано ниже, поэтому отбор на альтруизм должен сопровождаться сильнейшим отбором на чувство справедливости.

К точке зрения о «целесообразности» альтруизма приходили и приходят совершенно разными путями. Г. Селье (Selye H., 1974) исходя из того, что основным стрессом для человека является социальный, пришел к теории «альтруистического эгоизма». Во избежание стрессов нужно относиться к окружающим с максимальным доброжелательством, «возлюбив ближнего, как самого себя». Конечно, как в другом месте пишет Селье (Selye H., 1964, с. 29), «идеалы создаются не для их достижения, а для указания пути», и эволюция не могла создать столь гиперболизированную «этику». Но характерно, что у всех народов выработались очень острые эмоции по отношению к поступкам, которые разрушительно действовали на альтруистическое чувство, а именно – к неблагодарности и предательству по отношению к своим, к семье, к коллективу, к обществу. Казалось бы, естественный отбор должен быть целиком направлен на развитие хищнических инстинктов, инстинктов господства, суперсекса, территориальности. Но специфика эволюционного развития человечества, в значительной мере из-за все удлиняющегося периода беспомощности младенцев и детей, такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида. Однако продолжение рода требовало от наших предков непрерывной героической заботы о потомстве и об охране его. Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обречались на гибель особой формой естественного отбора – групповым естественным отбором. Иными словами, наряду с элементарным индивидуальным отбором шел и групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью. Мы покажем в специальных главах, что «совесть» далеко не абсолютно условное понятие, как это кажется при подмене диалектики софистикой.

Вопрос о материальном субстрате биологических основ альтруистических эмоций еще очень далек от постановки. Однако принципиальные пути для изучения этого материального субстрата раскрыты опытами с вживленными электродами. Общеизвестно существование в мозгу центров ярости, голода, удовольствия (крыса оказывается способной без конца нажимать клавишу, через замыкание вживленного электрода раздражающую именно центр удовольствия), есть центры прогнозирования. Можно постулировать существование центров, участвующих в этических и эстетических оценках. Если предположить, что такие центры соединены нервной связью с центром удовольствия, то без натяжек можно представить себе и возникновение материального субстрата такой связи в ходе эволюции.

Вопрос о роли средового компонента в онтогенетическом развитии альтруистических эмоций разрешим значительно труднее. Весьма вероятно, что экзогенная стимуляция необходима. Дело в том, что младенцы и дети, даже хорошо ухоженные, но лишенные материнской ласки или ее эквивалента, вырастают бездушными эгоистами, неспособными к образованию эмоциональных связей. Разумеется, такой «чистый» экспериментальный вариант депривации материнской ласки при наличии хорошего питания и ухода весьма редок и «не предусмотрен» естественным отбором; гораздо более част вариант раннего негативного «импринтинга» в широком, произвольном смысле этого слова, т. е. заброшенности, неухоженности, постоянных обид, постоянного самоутверждения старших или группы сверстников за счет одиночки.

Очень част и озлобляющий вариант чувства неполноценности, требующий компенсации путем эгоцентрического самоутверждения.

С необычайной художественной правдивостью описывая путь Жюльена Сореля, Стендаль лишь несколькими строками касается его детства, которое выглядит как бы несвязанным с дальнейшим развитием, тогда как психологу XX в. ясно, что в основе характерологии такого

юноши XIX в. должно быть именно безрадостное детство, без любви, с постоянным чувством угнетения и бесправия. Результат – абсолютный эгоцентризм.

Но стремление все объяснять социальными факторами принимает иногда несколько алогичную форму. Разумеется, человек немислим вне социальной среды, даже будучи Робинзоном. Но он немислим и без воздуха, воды, пищи, деятельности. О влиянии среды на формирование личности и психики человека напечатаны такие горы книг и статей, что из них, вероятно, можно было бы сложить вторую китайскую стену. Если бы эта вторая стена оказалась гораздо меньше первой, то ее все же хватило бы на то, чтобы заслонить достаточно важные обстоятельства:

- 1) каждый индивид чрезвычайно избирательно восприимчив к внешним явлениям;
- 2) индивид – не семя, прорастающее там, куда его занесло, а существо, довольно активно выбирающее себе свое окружение;
- 3) данная «типичная» среда сформировала людей с самыми полярными психикой и интеллектом;
- 4) каждый индивид обладает личной, особенной восприимчивостью и сопротивляемостью к различным средовым воздействиям.

Представляется целесообразным противопоставить тезе о всемогуществе среды по отношению к индивиду антитезу – некоторую индивидуальную избирательность индивида по отношению к той же среде, в которой он окажется. Избранная среда может оказаться паразитической, хищной, уголовной, ханжеской, карьерной, самоотверженной, целеустремленной, трудолюбивой; она может воздействовать на субъекта привлекательно или отталкивающе, решающий момент может наступить очень рано, в детстве или юности, его эффект может стать пожизненным, долголетним или кратковременным.

Обоснование эволюционно-генетического происхождения биологических основ альтруистических эмоций сразу подключает еще две другие задачи: необходимость сформулировать хотя бы элементы эволюционно-генетической теории восприимчивости к красоте и элементы теории индивидуальности и массовой антисоциальности.

Можно рационально, в терминах естественного отбора, описать эволюционное становление восприимчивости к прекрасному, сплетенной с взаимным альтруизмом. Можно понять, что чисто инстинктивное чувство прекрасного возникло в результате стабилизирующего отбора, что реакции ненаследственные, создаваемые средой, развивающиеся в результате индивидуального опыта, условий жизни, переходили в наследственные, закрепленные, уже независимые от условий среды и воспитания, как это в отношении морфологических признаков показано И. И. Шмальгаузенем. Можно понять и обратный процесс – дестабилизирующего отбора, в результате которого наследственно закрепленное, так сказать, инстинктивное, превращается в ненаследственное, условно-рефлекторное или опирающееся на рефлексы, на индивидуально приобретаемые и развиваемые ассоциации. Автоматическая инстинктивная реакция сменяется гораздо более гибкой системой приобретаемых ненаследственных условных и экстраполяционных рефлексов, а у человека – сознанием и познанием, базирующимися на памяти и ассоциативных связях, богатых и разнообразных. Но, как будет показано далее, значительная доля восприимчивости к красоте обусловлена подсознательными реакциями, требующими лишь стимула для своего развития.

Нас интересуют здесь не методы художественного творчества и не ранг художников и поэтов, а выяснение тех систем естественного отбора, которые могли создать массовую восприимчивость к искусству. Поэтому разбираемые нами примеры могут носить случайный характер, они лишь иллюстрируют основную мысль.

Предельно упрощая: суть в том, что восприимчивый гораздо быстрее и полнее и эмоциональней вскрывает истины и закономерности, использует экспресс-метод получения информации, восприимчивые гораздо более сплочены единым переживанием, символом, как бойцы

вокруг знамени, они и много этичнее в том окружении, где именно этичность, нередко вредная индивидуально, способствует выживанию группы. Вот что подчиняет развитие восприимчивости к красоте естественному отбору. Кстати, весьма существенно, что и восприимчивость к прекрасному, и самый характер ее в высокой мере индивидуальны и в значительной мере наследственно детерминированы.

Что касается абсолютизации классового характера этики и эстетики, то разве могла бы, например, современная Москва любоваться статуями древности и средневековья, волноваться, читая или смотря трагедии Эсхила, Софокла, Эврипида, если бы не существовало некоего общечеловеческого компонента?

Достаточно взглянуть на павлинье перо и послушать пение соловья, а затем задуматься над тем, почему и то и другое кажется нам прекрасным – и отрицание биологических компонентов восприимчивости к красоте представится делом нелегким. Еще более трудным покажется это отрицание, если взглянуть на цветные рисунки павианов, которым предоставлены стол, лист белой бумаги, набор кистей и красок. Оказывается, что даже павианы обладают способностью к композиции веерных или параллельно-полосных рисунков, подбор красок которых вполне отвечает эстетическим требованиям интеллигентных людей (во всяком случае, не предупрежденных заранее о том, что перед ними творчество вовсе не художника, а обезьяны).

Эволюция в своем ортогенезе постоянно создавала адаптации, далеко перехлестывающие свое назначение. Постоянно создавала тупиковые гиперболизированные органы. Нет оснований бояться, что чрезмерная восприимчивость к красоте погубит человечество. Но она создана эволюцией. Наши поиски тех форм отбора, которые могли породить у человечества восприимчивость к красоте, неминуемо должны были вести через те фазы, в которых эта восприимчивость могла иметь утилитарный смысл, способствуя избирательному выживанию. По-видимому, некоторые первичные элементы эстетики действительно имели какое-то утилитарное значение, хотя бы в форме фиксации, стандартизации, обобщения идеала, в форме сплочения коллектива, в форме необычайно впечатляющей экспресс-информации. Обостренная восприимчивость ко всему этому действительно могла распространяться групповым отбором. Но эволюционное происхождение эстетической восприимчивости, конечно, не охватывает и малой доли ее многообразия, ее значения для человечества и для человека. Искусство стало вождем человечества, и если оно уступало лидерство религии или науке, то неизвестно, что же станет главным в будущем – искусство или наука.

Но возникает вопрос: если в человечестве эволюционно-генетически заложены какие-то добрые начала, то почему же в мире в ходе донациональной, межнациональной и классовой борьбы так долго и часто торжествовало зло, почему же историю человечества можно воспринять как историю чудовищного зла, несправедливостей, жестокого подавления, порабощения, опустошительных войн, бессмысленной резни безоружных? Этот, казалось бы, естественный вопрос тем более важен, что ответ на него должен хотя бы в зародыше содержать конструктивное решение – как избежать массового торжества злого начала. Но прежде надо изучить вопрос: кто же реально правит человечеством? И этот вопрос возвращает нас к биологической проблеме неисчерпаемой наследственной гетерогенности человечества, в частности по этическим свойствам, гетерогенности тем большей, что на всем протяжении его биологического и исторического развития отбор шел во взаимопротивоположных направлениях – как на альтруизм, так и на совокупность хищнических, собственнических инстинктов и эмоций, в частности и на эмоции жадности, похотливости, господства, властолюбия. Незбежное следствие – гетерогенность, сочетание этичности в одной сфере с неэтичностью – в другой.

На эту наследственную гетерогенность накладывалась и разнородность получаемого воспитания, при оценке которого, как правило, недооценивался тысячекратно усиливаемый эффект «импринтингов», или, более широко понимая, «импрессингов», внешних впечатлений, падающих на особо чувствительные стадии и возрасты. При наличии такой неисчерпаемой

наследственной и воспитанной гетерогенности фундаментальное значение для судеб народа и человечества приобретает вопрос о том, по каким же индивидуальным особенностям идет социальный отбор, т.е. отбор в группы, концентрирующие в руках социально-экономическое могущество, в чем бы оно ни выразалось – в земельных ли владениях, во владении средствами производства, деньгами, печатью, кино, радио, телевидением, государственной властью и возможностью ее распределения, возможностью устанавливать ценностные критерии для подвластных масс.

Огромную роль играет специфика социального отбора, социального подъема, продвижения вверх по имущественной, иерархической, кастовой, классовой лестнице, передававшей власть в руки вовсе не наиболее одаренным людям, стремящимся утвердить в обществе доброе начало. Наоборот, социальный отбор постоянно поднимал на социальные верхи пусть и энергичную, но прежде всего наиболее властолюбивую, жадную прослойку человечества, столь разнородного в силу упомянутого выше естественного отбора на гетерогенность.

История почти всех финансовых и многих политических деятелей – это прежде всего и больше всего история обмана, вероломства, хищничества, мошенничества, коварства, предательства, жестокости, сначала «без перчаток», потом «в перчатках». Недаром слово «тиран», означавшее в начале просто захватчика власти и лишенное этической интонации, стало затем синонимом коварства, зверства.

Но социальный подъем тирана тысячелетиями означал одновременно ломку всех параметров, по которым ранее шел социальный отбор. Основным условием существования становились покорность и конформность. Быстро создавалась новая иерархия, подобранная по признаку верноподданнической антисоциальности, маскируемой высокой целью. При этом происходила массовая переоценка представлений о человеке: видя высящихся на командных постах негодяев, а главное, веря в ложные, мнимые цели, массы сменяли свои нормальные этические критерии на внушаемые им сверху, оправдываемые высокой задачей, на такие, при которых только и возможно дальнейшее существование. Происходило удивительное явление: чтобы уцелеть под властью тирана, было недостаточно оказывать ему внешний почет и повиновение; внутренняя антипатия была бы быстро разгадана. Надо было и ее изживать, внушать самому себе, своей семье, всем родным искреннюю любовь к угнетателю, иначе всем приходилось плохо. Поэтому никогда ни один законный правитель, унаследовавший трон, или избранный всенародно президент не пользовались, кажется, и малой долей той народной любви, как жесточайшие из тиранов – Нерон, Домициан, Атилла, Чингисхан, Тамерлан, Филипп II. Надолго ли? Во всяком случае, на все время своего владычества.¹

Философия и мудрость не могут удовлетворить нас: «Мелкое удовлетворение, какое дает неограниченная власть, покупается настолько дорогой ценой, что человек благомыслящий не может ей завидовать». «Принцип государства деспотического беспрерывно разлагается, потому что он порочен по своей природе. Другие государства гибнут вследствие особых обстоятельств, нарушающих их принципы; это же погибнет вследствие своего внутреннего порока». Однако этот процесс гибели изнурительно длителен.

Наклонности человека, его социальность, асоциальность или антисоциальность в очень большой мере определяются теми ценностными критериями, теми идеалами и задачами, которые в нем реализовались под влиянием воспринятого в детском и подростковом возрасте. Именно тогда решается альтернатива «я за себя, для себя» или «я для других, за других». Этой альтернативе можно в дальнейшем изменять в частных случаях, она далеко не всеобъемлюща, но является жизнеопределяющей.

¹ В Испании столетия сохранялась поговорка: «Не будет второго Филиппа II». Речь идет именно о Филиппе II, которого мы знаем по «Тиллю Уленшпигелю».

Величайшей трагедией человечества является то, что при многих социальных структурах к власти пробираются люди, наименее скованные общечеловеческими этическими нормами.

Известна враждебность значительной части советских социологов, психологов и педагогов к признанию фундаментальной роли генотипа в личностной индивидуальности.

Изучение и демонстрация роли наследственных личностных особенностей в каком-либо конкретном виде творчества, в характере самого вида творчества – задача чрезвычайно неблагодарная. Если гениальность семейна, то необычайно трудно отделить роль социальной преемственности от подлинно генотипической. Несемейность должна быть правилом даже при условии (несуществующего) всемогущества генотипа, в силу астрономического разнообразия комбинаций генов, передающихся от родителя детям. Поэтому мы вынуждены были уделить очень большое внимание творчеству Достоевского: здесь налицо мономерно-доминантное наследование комплекса эпилепсия—эпилептоидность, в данном случае определившего множество исключительно личностных и творческих особенностей писателя, бездонные глубины падения его персонажей, его садистическое и вместе с тем неисчерпаемо сострадательное отношение к ним, понимание подсознательных неудержимых влечений и тех опасностей, которые в них таятся. Один из крупных ученых «золотого века» генетики человека в СССР, М.В. Волоцкой (1933) оставил нам бесценную книгу о родословной Достоевского, обязывающую к генетико-психиатрическому анализу его творчества.

Являются ли и у других великих творцов коренные особенности творчества генотипически детерминированными, тогда как условия воспитания и различные виды «импрессинга» лишь ограничивают и направляют, модифицируют реализацию?

Материалы по однойцевым близнецам, воспитывавшимся в разных условиях, но творчески очень ярким, пока очень ограничены, но позволяют предполагать высокую генетическую детерминированность направленности творческих потенций.

Совершенно естественно, что формулировка биологической, тем более генетической антитезы может вызвать неприятие со стороны вполне добросовестных советских философов, социологов, педагогов, десятки лет воспитывавшихся и воспитывающих в духе, не предусматривавшем каких-либо антитез. Мы позволим себе поэтому привести здесь письмо Энгельса (1976, с. 396) И. Блоху: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает большее значение экономике, чем следует. Нам приходилось возражать нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находились время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии».

Возникает вопрос: как же совмещается в человечестве и человеке следствие взаимопротивоположных тенденций отбора? Ответов много. 1. Кажется, П. А. Вяземский писал о том, что испанцы, лучше других понимающие толк в храбрости, не говорят о человеке «он храбр», а говорят «он был храбр в таком-то деле», и что то же надо говорить об уме человека. Писалось это полтора века назад, задолго до того, как умы начали специализироваться. Сходным образом надо, вероятно, говорить и о доброте.

2. Основой организации любого вида животных является его наследственная гетерогенность, а являются ли добро и зло исключением из этого общего принципа? 3. Полярность добра и зла является очень часто продуктом «импринтинга» в том широчайшем понимании, в котором мы (только ради краткости) позволили себе употребить более широкий термин «импрессинг»². О четвертой стороне проблемы мы не будем распространяться, потому что она рассказана Р.Л. Стивенсоном («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»): «С каждым днем обе стороны моей духовной сущности – нравственная и интеллектуальная – все больше приближали меня к открытию истины, частичное овладение которой обрекло меня на столь

² Под импрессингом мы будем понимать те воздействия детского и подросткового возраста, которые оказали решающее влияние на этические критерии и интеллект индивида.

ужасную гибель: я понял, что человек на самом деле не един, а двоичен. Я говорю «двоичен» потому, что мне не дано было узнать больше. Но другие пойдут моим путем, превзойдут меня в тех же изысканиях, и я беру на себя смелость предсказать, что в конце концов человек окажется всего лишь общиной, состоящей из многообразных, несхожих и независимых друг от друга сочленов».

На вопрос, почему мы (иногда или часто) поступаем хорошо, а не так, как лично выгоднее, т. е. плохо, есть один ответ: «Потому что нам так хочется». Но почему же хочется или приятнее поступить порядочно? Существует как будто правильный ответ: «Нас так воспитали». Но это ответ, опровергаемый именно огромным педагогическим и государственным опытом, в частности XX в., когда при объединенных усилиях школы, семьи, печати и радио оказалась возможной массовая фабрикация палачей всех рангов, от повелевающих до исполняющих, от высокоодаренных интеллектуалов – идеологов и пропагандистов – до малограмотных тупиц; и тем не менее при устранении дезинформации и сверхдавления происходило почти мгновенное возрождение гуманизма. Может быть, в связи с существованием государств насилия уместно вспомнить замечание Маркса (1970, с. 26) в «Критике Готской программы»: «Государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа».

Выражаясь современным языком, речь идет об огромном значении обратных связей, причем чем сложнее и мощнее государство, чем большее влияние оно оказывает на развитие общества и личности, тем более эта постоянно и быстро корректирующая обратная связь оказывается необходимой.

В конечном счете назначение государства заключается в решении неизбежных конфликтов между личностным и социальным, в том, чтобы потребности личности удовлетворялись не во вред обществу и чтобы интересы общества удовлетворялись не за счет подавления прав личности.

Но вопрос о праве личности неразрывно связан с вопросом о смысле жизни индивида. И возникает вековечный вопрос о смысле жизни.

Едва ли найдется много теоретиков и даже практиков идеи, что смысл жизни заключается в получении максимального количества наслаждений, чего бы это ни стоило окружающим (даже с идущей от Остапа Бендера разумной оговоркой относительно уважения к уголовному кодексу). В чем же, однако, истинный смысл жизни? Особенность человеческой природы, созданной той спецификой естественного отбора, которая будет описана в части I, позволяет дать, пусть приблизительную, формулу: «Смысл жизни в том, чтобы быть нужным». Эта формула при всей ее краткости охватывает многое: женщине (да и мужчине) нужен ребенок, они оба нужны ребенку, ребенок нужен товарищам, им всем нужны учителя, педагоги, наставники; все эти люди, за исключением паразитов, нужны обществу, этому обществу нужны все, от неквалифицированных рабочих до величайших творцов. Чувство своей нужности является, пожалуй, самым постоянным источником удовлетворения. Чувство именно твоей нужности матери и отцу, жене, друзьям, товарищам, делу является главным источником собственного достоинства. Наоборот, сознание заменимости или ненужности является источником тягчайшего уныния.

Стремление к максимальной самореализации опирается на стремление быть максимально и незаменимо нужным. Непризнание трагично только в том случае, если индивид начинает сомневаться в нужности своего дела.

Человечество едино: наукой, искусством, этикой. У всех народов мира есть схожие мифы и легенды, поэмы и сказки. Эта общность имеет объясняющее название «бродячие сюжеты». Но это объяснение игнорирует суть дела, а она двоякая. Во-первых, эти сюжеты появляются у географически отдаленных, совершенно изолированных друг от друга народов не путем заимствования, а независимо; во-вторых, и это важнее всего, они, вместо того чтобы угаснуть в результате «естественного» отбора идей или вытеснения одних идей другими, сохраняются, по

А.Н. Веселовскому, из-за того, что эти общие всем народам сюжеты поддерживаются «единством психических процессов, нашедших в них свое выражение».

В истории и жизни добро и зло не только противостоят друг другу, как Ормузд и Ариман; они сплетаются уже потому, что безоружное добро бессильно против зла. Вчерашнее добро переходит в сегодняшнее зло, становясь врагом новой идеи. Но вместе с тем, говоря словами Гете, хороший человек и в темнейших стремлениях сознает правильный путь. Поэтому псевдодиалектичность, точнее, софистическое смешение добра и зла, подчеркивание их относительности – лишь «нас возвышающий обман». За добро, как правило, надо драться, причем борьба эта длительная, много тяжелее одиночного подвига. Недаром рыцарь-лат-ник сказал Лютеру перед собором, что он сам много повидал жарких дел, но то, что предстоит Лютеру, куда страшнее. «На том стою и не могу иначе», – Лютер надеялся на Божью помощь. У нас этой надежды нет. И все-таки во всех странах, при любых обстоятельствах находились люди, шедшие на все ради долга.

Даже в заведомо суженном виде формулировка эволюционно-генетической концепции происхождения этики и эстетики представляет собой сверхзадачу, обязательно требовались и сильная армия, инквизиция, полиция, гестапо. Им всегда были необходимы полчища доносчиков, довольно щедро оплачиваемых за счет своих жертв. Семисоттысячная армия священников и монахов в Испании, не считая бесчисленных добровольных соглядатаев; гигантские, никогда до того не виданные средства, добытые в Мексике и Перу Испанией, израсходованные на войска, на иезуитов, доминиканцев, на Гизов, заговорщиков и наемных убийц, – ясное свидетельство того, с какой все вновь возрождавшейся энергией народы поднимались против зла. «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

Если отказаться от представления о том, что в человеческой личности именно естественным отбором, а не только воспитанием заложены такие влечения и стремления, как чувство справедливости, взаимный альтруизм, жертвенный героизм, самоотверженность, то окажется, что сама идея о создании справедливого, не эксплуататорского общества – лжива. Оно не нужно. Нужно только такое общество, которое обеспечивает всеобщую сытость и максимум удовольствий для максимума своих членов. Справедливость же никому не нужна. Конечно, среди всеобщего голода и веками установившейся системы бесправия мало кто совершенно самостоятельно придет к идее необходимости справедливости, и таких выдумщиков можно легко обезвреживать. Но стоило только немного «распустить туго стянутый на животе ремень», только убрать ужас угрозы иноземного вторжения и прочие страхи, а главное, инквизицию и гестапо, как эти чудачки появлялись, и массы начинали думать так же, как эти единицы, хотя, казалось бы, все могли быть сыты, пьяны, иметь «нос в табаке» и зрелищ достаточно.

Мы полагаем, что до построения эволюционно-генетической теории (или гипотезы) эволюционно-генетического происхождения тех, казалось бы, целиком социально преемственных влечений к справедливости и взаимному альтруизму, которые будут обоснованы в дальнейшем, следует прежде всего остановиться на броских, ярких «свидетельствах» об изначально зверской природе человека. Следует также трезво отдавать себе отчет в силе тех социально-дарвинистических, возникших задолго до Дарвина установках, которые, казалось бы, неумолимо подсказываются житейскими наблюдениями, беглым взглядом на историю и сознательно или подсознательно ориентируют и организуют поведение значительной части человечества, более того – позволяют хищникам любого ранга и влияния находить себе идейное оправдание.

Для того чтобы полностью отдать себе отчет в острой необходимости самого серьезного и решительного опровержения современного социал-дарвинизма, осознанного, подсознательного и бессознательного, надо прежде всего задать, вовсе не в риторической форме, ряд вопросов, на которые нужно сначала дать утвердительный ответ, как бы он ни был печален, и только затем привести те аргументы, которые опровергают в корне неосоциал-дарвинизм.

В неизбежно произвольной последовательности мы поставили ряд вопросов, которые ясно покажут, какую аргументацию приходится опровергать.

1. Можно ли привести данные, свидетельствующие о том, что человек по своей наследственной природе – злобный хищник, которого только страх перед местью, возмездием и законом удерживает от любых зверств, приносящих ему личную пользу, выгоду, наслаждение?

2. Можно ли привести доказательство того, что таким именно, причем именно только таким человек и человечество стали в силу естественного отбора?

3. Можно ли привести доказательства того, что война является естественным состоянием человечества и что именно на войне человек полнее всего проявляет свои наивысшие биологические свойства?

4. Можно ли привести доказательства того, что наивысшим типом человека является лишенная всякой совести, думающая и заботящаяся только об удовлетворении своих влечений «белокурая бестия»?

5. Можно ли утверждать, что именно войны превратили человечество в наивысшее создание природы?

6. Можно ли подобрать (пусть ложные) доказательства того, что в человечестве существуют наследственно высшие и наследственно низшие расы, народы и классы?

7. Удавалось ли инквизиции, капитализму, фашизму, национал-социализму, национализму воспитывать искренне верующих в бога, в право на безудержное стяжательство, в гитлеризм, в феодальные и самурайские идеалы кодекса чести «бусидо» и удерживать достаточно долгое время в этой искренней вере во все эти и смежные идеалы многомиллионные массы не только паразитов, но и трудящихся так, чтобы натворить неисчислимо зло и грозить гибелью всему человечеству?

8. Можно ли привести наглядные доказательства того, что житейский успех выпадает преимущественно на долю хищников, достаточно умных и ловких, чтобы свое стяжательство и карьеризм скрыть если не от взгляда «снизу», то хоть от взгляда сверху?

На эти вопросы и дюжины вопросов такого же рода можно дать положительный ответ, совершенно не подозревая, что все эти утверждения совершенно неверны и на все эти вопросы существуют решающие опровержения, причем именно с позиций эволюционной генетики, с позиций дарвинизма. Но для того, чтобы эти опровержения дать, для того, чтобы в результате столкновения тезы и антитезы возник убедительный синтез, нужно привести социал-дарвинистическую и историческую аргументацию полностью. Только таким образом можно ее опровергнуть и захоронить как лживую.

Не поставить все эти вопросы со всей их аргументацией – значит заниматься «страусовой политикой» и оставить людей уязвимыми и даже беспомощными не только перед данными, по-своему освещаемыми современным социал-дарвинизмом, расизмом, псевдоевгеникой, но и перед теми, что им приходится видеть непосредственно, непосредственно.

Не поставить эти вопросы и изложить систему данных, составляющих благодаря целенаправленному освещению опору для создания хищнического и милитаристического воззрения – значит отказаться от серьезной идейной борьбы, значит понадеяться на «стеклянный колпак», перейти на борьбу с неосоциал-дарвинизмом, милитаризмом с позиций замалчивания, значит вести борьбу не с противниками справедливости, а с выдуманными дураками... Это значит – кастрировать идею о мощи социальной справедливости и предать ее, работая тем самым на неглупого и тем более умного противника. Это значит работать на пессимизм и неверие, на представление о неизбежности войн малых, больших и, может быть, даже третьей мировой войны. Это значит отдать и самую истинную историю человечества на службу милитаризму.

Поэтому мы намерены с самого начала показать одну сторону прошлого, одну сторону данных биологии, а затем показать, как этот однобокий перечень фактов истории и естествознания опровергается фактами, иерархически гораздо более значительными и весомыми.

Часть I

Эволюционная генетика взаимного альтруизма

Любовь к самому себе – это единственный роман, длящийся всю жизнь.

О. Уайльд

1. Естественная агрессивность и эволюционные механизмы, ее ограничивающие

Три закона робототехники

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Айзек Азимов

1.1. Жестокость и ее следствия

История человечества – вечные войны и жестокости, рост преступности в «цивилизованных» странах – внушает мысль, что агрессивность, эгоизм и хищность – природные неискоренимые свойства человечества в целом. Об этом неустанно твердит додарвиновский и последарвиновский социал-дарвинизм. Уйдя в глубь веков, можно было бы вспомнить страшную братоубийственную войну за власть Меровингов, султанов-османов, сыновей монгольских завоевателей, историю возвышения Аураунгзеба, историю завоевания Индии, Африки и обеих Америк. Но, перебирая эти бесчисленные примеры, нужно иметь в виду саморазрушительность подобных систем в результате обратных связей, их неизбежный, хотя часто очень медленный, распад. Ярким примером является история Греции, Египта, Римской империи. Что происходило в античное время с прямыми и обратными связями?

Мириады рабов и нищих, не скрепленных узами общинного режима, потеряли всякую охоту стоять за прочность целого, которое не обеспечивало им даже того минимума благосостояния и справедливости, какой давала закрепощенная персидская община. Но античные цивилизации пали. «Пали, благодаря своей организации собственности, равно пагубной как в социальном, так и в нравственном отношении, пали вследствие торжества эгоизма над альтруизмом» (Летурно Ш., 1889). Но... «всеобщее обеднение, регресс торговли, ремесел, искусств, уменьшение народонаселения, упадок городов, возвращение земледелия к низшей ступени развития – таковы были конечные результаты мирового владычества римлян» (Энгельс Ф., 1976).

Зверства ассирийцев, вавилонян, монголов, татар, турок – это не «случайные» эпизоды в истории человечества. Уничтожение Карфагена, Иерусалима, массовое обращение в рабство большей части населения бассейна Средиземного моря, зверские подавления восстаний рабов, войны конца Римской республики, обезземеливание крестьянства Италии, войны Рима с восставшими италиками, галльские и гражданские войны Цезаря, войны триумvirата, безумства

Нерона, Каракаллы, Гелиогабала, войны Византии, ослепление 30 000 пленных болгар императором Василием Болгаробойцем – цепь нескончаемых жестокостей; великое переселение народов – океан зверств. Дикие жестокости Средневековья, борьбы с ересью, реформации и контрреформации. И все это несло в себе зерна саморазрушения, все это создавало лишь системы, фатально обреченные на гибель.

В 1492 г. королевская чета – Фердинанд Кастильский и Изабелла Арагонская – изгнали евреев из Испании, конфисковав их имущество, за что, собственно, и получили приставку «Католик», «Католическая». Затем были изгнаны мориски. Впоследствии Изабелла писала Папе Римскому: «Я причинила много несчастий стране, я обезлюдил города, провинции, но все это я делала и делаю единственно из чистейшей любви к Христу и Его Св. Матери». При Карле V, их внуке и преемнике, началось повальное истребление язычников в Америке (Мексика, Перу). Сокровища потекли в страну. Его сын, Филипп II, вел бесконечные войны по всей Европе, борясь с ересью. Численность населения Испании снизилась с 10 миллионов до 8 миллионов, и она быстро вышла из ряда великих держав. То же произошло и с Португалией.

«По расчету Камерона, работорговля обходится Африке в 500 000 жертв ежегодно. Для прошлых столетий, когда европейцы предавались этому промыслу без малейшего стеснения, цифру эту, вероятно, можно удвоить.

Считается, что европейцы вывезли из Африки 50 миллионов рабов. Если принять на каждого вывезенного раба троих убитых (а это очень скромно, если принять в расчет, какая масса народа гибнет при добывании рабов, на месте действия и на пути к центрам работорговли), то на долю европейцев придется полтора миллиона душ – солидная гекатомба» (Энгельгардт М.А., 1899, с. 164).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.